

К проблеме радикализма человеческого сознания: прошлое и настоящее

В Большом толковом словаре предлагается основное толкование слова «террор», задающее значение всем последующим образованиям: «Наиболее острая форма борьбы против политических и классовых противников с применением насилия вплоть до физического уничтожения; время такой борьбы». Исходя из определения, складывается представление о современных политических отношениях как о террористических притеснениях со стороны государства, претендующего на свою исключительность. В связи с этим аппетиты США устрашают своими масштабами в погоне за обеспечением своего места под солнцем за счет остального человечества. Во времена экологических катастроф, связанных с ограниченностью природных ресурсов, такая позиция находит своё объяснение по отношению к России, с нашими запасами. В этой обстановке обостряются конфликтные ситуации посредством вовлечения в них третьих стран, позволяющих создать определенное общественное мнение. Для их сговорчивости достаточно иметь марионеточное правительство, которое руководствуется благом для своего народа в беспокойное время террористических угроз, которым способно противостоять только сила и мощь такого эксперта по урегулированию внешнеполитических проблем как США. В противном случае террористическая агрессия настигнет несговорчивых, что очень скоро проявилось в целом ряде случаев уничтожения неугодных политических систем различных государств. Именно терроризм, с изощренной формой обоснования самых различных целей, становится средством для достижения своих собственных политических результатов. В это сложно поверить, однако факты говорят о том, что XXI век, к сожалению, ничем не отличается от предшествующих по формам политического противостояния.

Каждый террористический акт имеет свои личностные корни: сложно понять исполнителя злодеяния с многочисленными жертвами – что подводит его к роковому принятию решения. Интересно замечание В. Распутина о том, что все люди устремлены в сторону добра, обращая свои лица к свету, однако при этом мы забываем взглянуть себе под ноги, где проведена граница между *добром* и *злом*, которую нарушаем незаметно для себя в полной уверенности в собственной справедливости и искренности побуждений. В общепринятых границах человеческое сознание не может смириться с принятием жестокости, злобы и агрессии – пути сознательного выбора убийцы, и что же это за вера, лишаящая человека любви.

В русской классической литературе растолкованию внутренних побуждений к убийству посвящен роман Ф.М. Достоевского «Бесы» (1871). Как известно, основу фабулы задаёт исторический факт: 21 ноября 1869 года под Москвой руководителем тайной революционной организации «Народная расправа» С. Нечаевым (1847–1882) с четырьмя сообщниками убит слушатель Петровской земельной академии И.И. Иванов. Изображение этого события становится скреплением всего сюжета романа, где образ П.С. Верховенского воспроизводит личность С. Нечаева. Он был вольнослушателем Петербургского университета, принимал активное участие в студенческих волнениях 1869 г., затем бежал в Швейцарию, где сблизился с Бакуниным и Огаревым. Вернулся в Россию уже с мандатом «Русского отдела всемирного революционного союза». В руководимой им

«Народной расправе» Нечаев пользовался правами диктатора, требующего к себе беспрекословного подчинения. Во время следствия найден программный документ организации «Катехизис революционера», где, в частности, было отмечено: «Наше дело – страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение». Документ состоял из 26 параграфов, первые из которых гласят:

§ 1. Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира. Он для него – враг беспощадный, и если он продолжает жить в нем, то для того только, чтоб его вернее разрушить.

Достоевский, учитывая воззрения Нечаева, распространяет их на современные взгляды молодежи, обосновывал истоки разрушительной идеологии либеральными ценностями, утвердившими нигилизм в русской культуре. На писателя обрушились обвинения в клевете на современную молодежь, но он в «Дневнике писателя» за 1873 год приводил анализ собственных жизненных убеждений: «Я сам старый “нечаевец”, я тоже стоял на эшафоте, приговоренный к смертной казни. Знаю, вы, без сомнения, возразите мне, что я вовсе не из нечаевцев, а всего только из петрашевцев. (...) Но пусть из петрашевцев. Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли бы стать нечаевцами, то есть стать на нечаевскую же дорогу, в случае если б так обернулось дело? Конечно, тогда и представить нельзя было: как бы это могло так обернуться дело? Не те совсем были времена. Но позвольте мне про себя одного сказать: Нечаевым, вероятно, я бы не мог сделаться никогда, но нечаевцем, не ручаюсь, может, и мог бы... во дни моей юности».

Объяснение выбора позиции направлено на природу юности, с её стремлением к скорейшей справедливости и юношеским максимализмом (ср. у Пушкина: «Крайние теории абсолютной свободы, не признающей над собою ничего ни на земле, ни на небе; индивидуализм, не считавшийся с устоями, традициями, обычаями, с семьей, народом и государством; отрицание всякой веры в загробную жизнь души, всяких религиозных обрядов и догматов, – все это наполнило мою голову каким-то сияющим и соблазнительным хаосом снов, миражей, идеалов, среди которых мой разум терялся и порождал во мне глупые намерения»). Сдерживающим фактором, по Достоевскому, является вера с её духовными ориентирами, но именно кризис человеческого мировосприятия подталкивает писателя к изучению темной стороны людской природы. Поэтому для писателя ещё более ощутима трагедия по причине, что беззаконие творится не худшими представителями рода человеческого, а интеллектуально развитыми представителями, вполне осознающими свой выбор: «В возможности считать себя, и даже иногда почти в самом деле быть, немерзавцем, делая явную и бесспорную мерзость, – вот в чем наша современная беда!» Достоевский обращается в последних романах к вопросам

воспитания подрастающего поколения и идеи братства, основополагающими для преодоления кризиса общественного устройства.